
ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

А. Шажинбатын

УЧЕНИЕ В. ГУМБОЛЬДТА О СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Аннотация. Рассматривается проект сравнительной антропологии, изложенный немецким ученым В. Гумбольдтом более двухсот лет назад. Он рассматривал ее как новую науку. По его убеждению, сравнительная антропология направлена на изучение индивидуальных характеров. Однако это (в отличие от физиологической антропологии) не погоня за многочисленными различиями, а выявление отношения отдельных своеобразий к общему идеалу человечества. Отграничивая эту науку и от человекознания, изучающего человека вообще (или отдельных особо интересных индивидуумов), Гумбольдт вводит в сферу своего исследования «характеры человеческих сообществ». По сути дела, речь идет об этничности.

Ключевые слова: психология, просвещение, Гумбольдт, наука, сравнительная антропология, человечество, характер, человек, человеческие типы, идеал.

Основные идеи В. Гумбольдта можно выразить через следующие постулаты:

- 1) Соблюдая полную самобытность, не забывать об общечеловеческих идеалах;
- 2) Применять сравнительный метод с целью осознания собственного бытия и чужого своеобразия;
- 3) Не превращать своеобразие в односторонность и разнообразие в однородность;
- 4) При изучении различий исходить не из внешних условий и обстоятельств, а из «внутренней формы характера» (которую сам индивидуум либо вообще не в силах изменить, либо может изменить лишь в незначительной степени).

Так же, как в сравнительной анатомии свойства человеческого типа объясняются посредством изучения тех животных, возможно, по мнению В. Гумбольдта, в рамках сравнительной антропологии сопоставлять друг с другом и давать сравнительную оценку своеобразных черт морального характера различных человеческих типов¹.

Историки, биографы, авторы путевых хроник, поэты, разного рода писатели, не исключая даже спекулятивных философов, считал он, поставляют данные для этой науки. В путешествии и дома, в деловой и праздной жизни — повсюду предоставляется возможность обогатить и использовать эти данные, и среди этих занятий ни одно не сопровождает нас столь постоянно, как из-

учение человека. Нужно лишь собрать, просмотреть и упорядочить и переработать тот богатый материал, который дает нам сама жизнь.

Задача эта выпадает на долю сравнительной антропологии, которая, опираясь на антропологию всеобщую и полагая известными родовые характерные признаки человека, занимается лишь его индивидуальными различиями, отделяет случайные и преходящие от существенных и постоянных, исследует свойства последних, определяет их причины, дает им оценку, устанавливает методику работы с ними и предсказывает их будущее развитие.

В человеческой жизни нет ни одного практического занятия, которое не требовало бы знания человека — и не просто обобщенного, философского его образа, но индивидуального, в том виде, в каком он предстает перед нашими глазами. При получении такого знания трудно избежать одной из двух ошибок: построения или слишком неопределенного и обобщенного, либо же слишком частного представления об индивидууме; рассмотрения только его потенциальных возможностей или же только одних случайно наложенных на него ограничений. Первая ошибка, полагает В. Гумбольдт, обычно приводит спекулятивного философа к тому, что основные его положения лишаются практической применимости; вторая приводит чистого практика к тому, что его установки лишаются долговечности и утрачивают благотворное влияние на просвещение и внутренний характер.

---

¹ Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 318.

Чтобы точно понять человека таким, как он есть, и в тоже время свободно судить о возможных путях его развития, практическое наблюдение и философский дух должны действовать совместно. Но сочетать их оказывается значительно легче, если знания о индивидуальном характере становятся в рамках сравнительной антропологии объектом научного размышления и если эта наука находит определенные и точные характеристики своеобразия различных классов людей и распространенных видов влияния внешних ситуаций на внутренний характер. Общие типы, ею выделяемые, могут затем получать дальнейшее уточнение на основании опыта; внутри потенциальной сферы, которую он устанавливает для того или иного характера, можно затем определять то положение, в которое он действительно занимает в каждый данный момент.

Всегда говорят, что законодатель должен изучать свою нацию, ее дух и образ ее мыслей, если он желает ее прогрессивного развития. Но как можно в достаточной мере познать характер одной нации, не изучив одновременно и другие, находящиеся с нею в тесной связи, контрастные различия которых, с одной стороны, собственно, и сформировали этот характер, а с другой стороны, единственно и позволяют полностью его понять? И как можно способствовать прогрессу индивидуального характера, не обдумывая его? В какой мере вообще возможны различия характеров? В какой мере они совместимы с потребностями свободного и всеобщего просвещения и вообще есть ли в них политическая и моральная необходимость?

Чтобы в общих чертах усвоить определенные приемы искусства управления, полагал В. Гумбольдт, чтобы осознать, что с французом не следует обращаться педантично, а с англичанином — открыто деспотично, конечно, не требуется такой обстоятельной подготовки. Способы щадить чувствительные стороны человеческого характера и использовать его слабости легко почерпнуть и их поверхностного наблюдения.

Но должно происходить нечто совершенно иное. Индивидуальные характеры должны развиваться так, чтобы они оставались своеобразными, не становясь односторонними, чтобы они не препятствовали выполнению общих требований идеального совершенства, чтобы их своеобразие проявлялось не в ошибках и крайностях, но, напротив, не переступало бы установленных границ и сохраняло бы внутреннюю последовательность. Тогда все они смогут действовать сообща, будучи внутренне последовательными и внешне согласованными с идеалом.

Ибо только общественным путем человечество может достигнуть высочайших вершин, и объединение многих необходимо не только для того, чтобы посредством умножения сил осуществлять более значительные и долговечные начинания, но в первую очередь для того, чтобы посредством объединения многообразных способностей проявить собственную природу в ее подлинном богатстве и во всей широте. Отдельный человек всегда имеет лишь одну форму, один характер, и это верно для отдельного класса людей. Но идеал человечества объемлет все мыслимое разнообразие форм, которые могут быть взаимно совместимы. Поэтому он может проявляться только в совокупности всех индивидов.

Если мысленно предположить, что в ряду европейских наций отсутствует та, которая в целом не принимала сколько-нибудь значительного участия в культурном развитии этой части света и даже не является нацией в собственном смысле, но лишь ответвлением другого народа — я имею в виду швейцарскую нацию, подчеркивал В. Гумбольдт, — то сразу окажется, что в развитой, богатой, столь далеко отошедшей от естественной простоты Европы мы не досчитаемся народа, который по сравнению с непохожими на себя соседями обладает такой наивностью нравов, ограничивает себя столь малыми потребностями, довольствуется столь скудным запасом средств и использует установления, свойственные лишь самым юным нациям².

В. Гумбольдт специально выбрал в качестве примера швейцарский характер, который, по меньшей мере в некоторых своих аспектах, столь близок к природе, что никто не мог бы созерцать утрату его своеобразия иначе, как с чувством внутреннего сострадания. Ибо отнюдь не всякая специфика заслуживает сохранения, и еще реже заслуживает его специфика национальная, возникающая в результате сочетания столь многих совершенно случайных обстоятельств.

Но как раз потому, что не всякое своеобразие достойно одобрения, а многие его виды даже заслуживают порицания и при этом уже физически (не говоря о других аспектах), невозможно сразу и целиком вырвать людей из привычного для них образа жизни, уничтожить их индивидуальность и превратить их в других людей, уже поэтому необходимо изучать различия между ними и размышлять над тем, что может из них развиваться.

Человек должен сохранять свой характер, полагал В. Гумбольдт, сформированный природой и окружающей средой, только с ним он чувствует себя

² Там же. С. 320.

легко, он деятелен и счастлив. Но он не должен потому в меньшей степени соблюдать общечеловеческие требования и ограничивать свое духовное развитие. Связывать взаимно обе эти задачи должен практический знаток людей, а как он может преуспеть в этом занятии, не исследовав тщательно все возможные различия человеческой природы и общее отношение отдельных своеобразных черт к идеалу, предписанного для человеческого рода³?

Но формирование человека выпадает не только на долю воспитателя, религиозного наставника, законодателя. Поскольку человек, кем бы он ни был, все же является человеком, постольку он наряду со всеми прочими своими занятиями связан внутренним обязательством обращать практическое внимание на интеллектуальное и моральное воспитание себя самого и других.

Разум неукоснительно предписывает всякому человеческому сообществу всеобщий закон: уважать свои и чужие системы морали и культуры, никогда не наносить им ущерба, но при всякой возможности очищать и возвышать их. Для этой цели отдельные определенные сферы деятельности оказываются тем важнее, чем сильнее их влияние на дух и характер, и если стремиться полностью достичь этой цели, то нужно в такой же мере учитывать индивидуальную форму характера, в какой и всеобщую.

Во всяком случае, рассуждает В. Гумбольдт, законодатель может от этой обязанности отказаться, ибо в его руках находится величайшая и по своему воздействию на людей самая опасная власть. Вся политика, и прежде всего внутренняя, тем самым предстает в таком плане, который ей в сущности чужд. Ведь поскольку сама по себе она предназначена только для решения задачи, как можно кратчайшим и наиболее надежным способом добиться главной цели всякого гражданского объединения — безопасности личности и собственности, — поскольку при проведении каждого своего мероприятия она должна прежде всего задаться вопросом, какое влияние оно окажет на характер граждан в его человеческом аспекте, и мерить каждое из них прежде всего по этой мерке. Кроме того, поскольку два ее аспекта приводят почти неизбежно к совершенно противоположным результатам, а именно чисто политический — к давлению, а общеморальный — к свободе, постольку самым трудным для нее делом является взаимное сочетание этих противоборствующих требований, и трудность эта еще более возрастает, если при практическом воплощении политики в жизнь

приходится обращать внимание еще и на такие частные обстоятельства, как охрана и руководство индивидуальным характером⁴.

Обычная теория по этому поводу легко подвержена злоупотреблениям. Она учит законодателя использовать национальное своеобразие, чтобы легче управлять и господствовать над нацией. Но как легко такие чисто политические интересы при отсутствии более, высоких, моральных, приводят к тому, что когда намеренно поддерживаются даже очевидные слабости и недостатки.

Еще труднее приходится государственному деятелю новейшего времени, когда многие нации не только объединены под общим скипетром, как это бывало и раньше, но представляет собой единую массу в точном смысле этого слова. При возможности совершенно точных и быстрых политических мер в такой ситуации, в такой ситуации, бесспорно, лучше всего было бы устранить отдельные различия, уподобить друг другу языки, нравы, мнения и т.д. Но возможно ли это без ущерба для своеобразия, а следовательно, одновременно и для самостоятельности и энергии, и какое из двух преимуществ — однородность или своеобразие — следует принести в жертву? Если государственный деятель начнет искать ответа на этот вопрос с таким намерением, которое не отрицает ни достоинств индивидуального характера, ни несомненной пользы для больших государств и человеческих масс, то он скоро откажется от этих поисков и с большей охотой займется решением другой задачи: как объединить оба эти преимущества? Но обеспечить себе решение этой задачи он может только посредством самого пристального изучения реальной индивидуальности субъектов, с которыми он имеет дело.

Религия, видимо, полагает В. Гумбольдт, в наименьшей степени подвержена влиянию со стороны своеобразия ее исповедующих. Она учит истине, а истина объективна и всеобща. Но как раз для нее более всего необходимо заботливо, шаг за шагом, сопровождать модификации духа, если она хочет избежать, с одной стороны, принуждения к вероисповеданию, а с другой стороны, религиозного равнодушия⁵.

Прочие области жизнедеятельности редко оказывают непосредственное и значительное влияние на внутреннюю индивидуальность. Здесь достаточно избегать грубых ошибок, которые могли бы возыметь отрицательные последствия. Но тем сильнее влияет на своеобразное формирование характера свободный

³ Там же. С. 320-321.

⁴ Там же. С. 321.

⁵ Там же. С. 322.

и повседневный обиход, внутри которого имеются более или менее тесные связи: брак, дружба, узкие и широкие круги общества. Искусство этого обихода, если его не сводить, как это до сих пор всегда делалось, просто к способности нравиться и выигрывать, целиком и полностью зависит от знания и формирования характера.

Это искусство прежде всего стремится сделать всякий обиход как можно более важным для культуры и характера, вложить в него максимум души, но, кроме того, в каждом случае таким образом обособить и сгруппировать индивидуальности, чтобы они явили наблюдателю картину поучительного многообразия, но в то же время путем взаимного целесообразного соприкосновения сами выиграли в восприимчивости и специфике. Однако и то и другое должно осуществляться только при условии полной свободы, без какого-то ни было предварительного умысла. Все должно происходить само собой, быть игрой и развлечением, а не серьезным занятием. Таким образом, искусство это станет действительно прекрасным.

Было бы столь же полезным, сколь и развлекательным, пишет В. Гумбольдт, набросать основные контуры этого искусства, но это было бы по плечу только человеку, сочетающему значительный и многосторонний собственный характер с обширными знаниями чужих индивидуальностей и в равной мере обладающему как богатством мыслей и чувств, необходимых для того, чтобы сделать интересными частные взаимоотношения, так и легкостью и подвижностью, нужными для того, чтобы играть роль в кругах большого света⁶.

Итак, как раз для того, что постоянно выступает в качестве повседневной потребности, мы больше всего нуждаемся в знании индивидуальности человека, и с помощью этого знания мы можем превратить те часы, которые обычно пропадают впустую, в наиболее содержательное время нашей жизни.

В. Гумбольдт упоминает о воспитании. Но слишком очевидно, насколько необходимой подготовкой для него должны быть исследования, подобные настоящему. Для краткости изложения мы пропускаем и некоторые другие области. Так, например, врач должен обратить внимание на моральный и особенно индивидуальный характер, поскольку знание последнего может оказаться для него важным.

Таким образом, сравнительная антропология полезна для двух сфер деятельности. Она облегчает знание характеров и в то же время дает философские основания для их оценки, для расчета их дальнейше-

го развития и для предположений о том, насколько они способны в качестве единого целого взаимодействовать с другими. Она служит деловому человеку, который хочет использовать людей и властвовать над ними, но в то же время воспитателю и философу, которые стараются их просветить и улучшить. Но, кроме того, она является самым увлекательным занятием для человеческого духа. Ибо он находит в ней:

1) самый возвышенный объект, предлагаемый природой, в наиболее точном и полном описании;

2) многообразие, не только радующее воображение и чувства пестрой и живописной игрой красок, но также изяществом своих черт обогащающее одновременно дух и восприятие, и

3) всегда трактуемое так, что не только каждая своеобразная черта наблюдается как нечто целое, но также в единое целое объединяются и все эти черты.

Недостаточно того, считает В. Гумбольдт, что сравнительная антропология учит познавать различия человеческих характеров; она сама способствует возникновению еще больших различий и более целесообразному обращению с уже имеющимися. Но следует ли первое считать достоинством, и верно ли, что слишком большое многообразие форм характеров противоречит общей правомерности и объективности культуры, вкусов и нравов? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным в глазах большинства. Все творения человека удаются лучше, если они подвергаются общей и независимой от субъективности отдельных личностей обработке, и только собственно творения духа в определенном смысле являются исключениями из этого правила. Точно так же законы и практические отношения между людьми обретают долговечность и надежность скорее в результате единообразия нравов, чем за счет менее регулярной инициативы со стороны необычных индивидуумов⁷.

Напротив, сила, изобретательность, энтузиазм зависят от оригинальности, и без незаурядных и самостоятельных движений духа никогда не возникло бы ничто великое.

Вообще различие характеров, даже если бы оно было вредно, все же решительно неизбежно, и вопрос сводится лишь к тому, нужно ли предоставить его игре слепого случая, или же посредством разумного руководства претворить в своеобразие? Но на этот вопрос можно ответить лишь одним единственным образом.

Сравнительная антропология исследует характеры целых классов людей, в первую очередь — характеры наций и эпох. Но эти характеры часто

⁶ Там же. С. 323.

⁷ Там же. С. 323-324.

случайны; должны ли они сохраняться? Должен ли философ, историк, поэт, человек в явном виде нести на себе отпечаток своего имени, своей нации, своей эпохи, наконец, своей личности? Конечно, но только в определенном смысле. Человек должен позволять воздействовать на себя всем отношениям, в которые он вступает, не отвергать никакие влияния, но модифицировать всякое такое влияние, исходя из своих внутренних предпосылок и в соответствии с объективными принципами. Таким он должен *быть*; *то в какой степени это проявится* в различных видах его деятельности и от природы его индивидуальности. Но чем больше он может проявить субъективной оригинальности, не наносящей ущерба объективной ценности своего дела, тем лучше.

В отдельных случаях и в отдельные периоды своей жизни человек, возможно, и способен собрать достаточный материал, однако в целом этого материала всегда не хватает. Чем более обширный материал он претворяет в единство, тем он богаче, жизнеспособнее, сильнее, плодотворнее. Но это многообразие он черпает из своих разносторонних отношений. По мере того как он в них вступает, в нем открываются все новые стороны и активизируется его внутренняя деятельность, направленная на развитие каждой из них и на сочетание их всех в единое целое. Отрицательные и пагубные особенности объясняются только праздною приверженностью к какой-либо одной из сторон. Отсюда происходят неуклюжие национальные и семейные характеры, с которыми мы действительно непрестанно сталкиваемся; но в этом повинна внутренняя вялость и косность, а не внешнее многообразие. При правильном теоретическом руководстве ни один член нации не будет столь разительно напоминать остальных; национальный характер будет отражаться в каждой отдельной личности, но поскольку он будет каждый раз смягчаться за счет воздействия всех прочих отношений, а главным образом, за счет пытливого и благотворного воздействия разума, постольку в целом он уже не будет столь неуклюжим и поверхностным, но станет более чистым, своеобразным, утонченным и многосторонним.

Человек, взятый в отдельности, размышляет В. Гумбольдт, слаб, и его быстро иссякающие силы позволяют ему свершать лишь немного. Ему нужна высота, на которую он может подняться; общество, которое ему может служить; ряд, в который он может себя включить. Но все это обеспечено для него в тем большей степени, чем деятельнее он распространяет на себя дух своей нации, своего пола, своей эпохи. Что давало римлянину уже то, что он родился в Риме? Что давало Сципиону то, что он происходил из рода

Корнелиев? Что дает новейшим поэтам уже то единственное обстоятельство, что они могут считать все богатство греческого поэтического искусства своей собственностью и сразу подниматься на присущую ему высоту⁸?

Но от субъективного знания природы еще долгот путь до ее объективных свойств. Как может расширение и утончение первого непосредственно способствовать облагораживанию последних? Бесспорно за счет того, что как наблюдателем, так и наблюдаемым здесь является человек, что он всегда, даже сам того не сознавая, приспосабливается к своей внутренней духовной форме и что совокупность господствующих понятий всегда в конечном счете, часто даже непонятным нам образом, подчиняет себе не только человека, но даже и мертвую природу.

То, что обширные знания своеобразия характеров позволяют правильнее оценивать характеры и находить оптимальные методы обращения с ними, понятно здесь само собой. Но уже само то, что в характере открываются более тонкие нюансы, фактически делает этот характер более разносторонним; то, что отдельные разновидности подвергаются изучению, а формы их описываются индивидуально, как они есть, а также идеально, какими они могут стать, позволяет этим разновидностям и формам действительно развиваться более ясно и определенно.

Характер возникает, по мнению В. Гумбольдта, только в результате постоянного воздействия мыслительной и чувственной деятельности. В результате того, что некоторые определенные факторы действуют непрерывно, а другие — никогда или же редко, первые развиваются, а вторые подавляются, и так постепенно вырабатывается определенная форма характера. Эта непреходящая соотнесенность нашего искусства быть и нашего искусства оценивать, наших практических и наших теоретических свойств дает нам возможность оказывать действительное и практическое влияние на самих себя посредством идеи и нашего собственного духа. Разум не может постигнуть того, на что нет даже намека в сфере чувств и восприятий; но также нельзя вобрать в свою сущность что бы то ни было, что хоть как-то не подготовлено в сфере понятий. Нельзя осознать того, что нельзя воспринять чувственно, для чего отсутствует материальное воплощение; но нельзя также быть тем, что для чего нет понятия, для чего отсутствует форма.

Но внимательное отношение к характеристическим особенностям позволяет достигнуть еще большего. С одной стороны, благодаря этому оценивается

⁸ Там же. С. 325.

каждый объект прежде всего и преимущественно с точки зрения его отношения к внутренней сущности; с другой стороны, пробуждается характер и активизируется его деятельность. Но коль скоро характер пробуждается, то из всех факторов, которые оказывают на него воздействие, он сам усваивает только те, которые ему гомогенны; таким образом, все посторонние источники и факторы собираются в одной единственной точке. Это отчетливо видно на примере характеров, которые по природе являются резкими, страстными и односторонними.

О них справедливо говорят, что они повсюду видят лишь себя и переносят себя на все окружающее, а поэтому их односторонность возрастает в еще большей мере. Но недостаток их коренится не в чрезмерной активности их индивидуальности, а только в том, что последняя становится таковой в результате страстей и естественной предрасположенности. Однако, если бы она активизировалась посредством духовного настроения, посредством стремления повсюду проявлять своеобразие были бы совершенно другими. Такой человек одновременно вобрал бы в себя все характеристические влияния и своеобразно обращался бы с ними. Но то, что для него гетерогенно, он не стал бы отбрасывать, а использовал бы по-своему и в своих целях. Он оценивал бы каждый предмет совершенно объективно и беспристрастно, и все отличие (хотя оно, конечно, важно) здесь заключалось бы лишь в степени и способе усвоения. Это вполне отчетливо видно при сравнении некоторых иностранных наций с немецкой. Французам и англичанам присущи исключительно яркие формы характера, но весьма часто они обнаруживают только им свойственный односторонний подход к окружающему миру и не достигают истины и объективности.

Но в первую очередь чистота и определенность характера формируется в обществе, когда он вступает в отношения с чистыми и определенными характерами. И здесь существенно не только сходство, к которому стремятся характеры, но и контраст, посредством которого они себя друг другу противопоставляют. Ибо моральной, равно как и физической, организации свойственна ассимилирующая конститутивная потребность, которая, однако, как только собственный характер достигает некоторой определенности, стремится не к сходству, но скорее к взаимной координации позиций индивидуальностей. Так, мужской характер становится более чистым и мужественным, когда ему противопоставлен женский, и наоборот. Впрочем, эта особенность более характерна для отдельных индивидуумов, чем для целых сообществ. Менее всего она свойственна характерам наций, которые при

взаимном общении склонны скорее выпячивать свою оригинальность или же отказываться от нее, чем ее целесообразно устанавливать и формировать. Действие этой особенности до некоторой степени проявляется даже во внешнем строении лица, что доказывает, например, взаимное сходство супругов, несомненно не являющееся игрой воображения.

Но когда сделан один шаг, то дальнейшие следуют за ним с невероятной легкостью. Ибо ничто не оказывает на все окружающее столь активного влияния, как человеческая индивидуальность. Одна из самых важных функций отведена здесь происхождению, которое передает новому индивиду в качестве готовых исходных данных все то, что уже достигнуто, и тем самым каждый раз превращает в надежную собственность то, что до тех пор было лишь недавно завоеванным достоянием.

Итак, изучение характеров в их индивидуальности усиливает саму эту индивидуальность. Но за пределами человеческой природы имеется достопримечательный пример того, как от многообразия форм характеров зависит облагораживание целых видов, а именно — известный феномен того, что домашние животные имеют больше видов, больше вариаций и, наконец, обнаруживают более яркие индивидуальные признаки, чем прочие виды животных.

Устремления сравнительной антропологии направлены на то, что измерить возможное разнообразие человеческой природы в ее идеальности; или, что то же, исследовать, как человеческий идеал, которому никогда не адекватна отдельная личность, воплощается в отдельных индивидуумах. То, чего она ищет, таким образом, не есть природный объект, но нечто безусловное, — идеалы, которые, однако, так соотносятся с индивидуумами, с эмпирическими объектами, что их можно рассматривать как цель, к которой должны стремиться последние.

Если бы антропология могла решать эту задачу, не снисходя до наблюдения реальной природы, то осталась бы чисто философской и спекулятивной наукой, — полагает В. Гумбольдт. И в определенном смысле она действительно может ею быть. Она может заниматься только общим идеалом человека; она может разлагать его на отдельные аспекты и из этих отдельных характеристик строить отдельные идеальные аспекты формы, в которых вокруг этих аспектов, выбранных в качестве господствующих черт, будут с должной упорядоченностью концентрироваться прочие свойства, необходимые для истинно совершенного человека. Например, в человеческом идеале есть чувство прекрасного и стремление к истине, причем каждое из них весьма сильно само по себе и нахо-

дится в совершенном равновесии с другим. Можно выделить обе эти тенденции, превратить каждую в основную характерную черту особой индивидуальности, исходя из этого угла зрения дополнить форму до конца, и мы получим, не нуждаясь в каком-либо специальном опыте, чистые характеры художника и философа⁹.

Но чтобы полностью выполнить сформулированное выше требование, сравнительная антропология неизбежно должна прибегать к пристальному наблюдению действительности и даже вообще прежде всего исходить из него. Потому что:

1. Любая более спекулятивная практика вела бы за собой отрицательно сказывающуюся скудость, как в том, что касается многообразия форм, так и в отношении каждой конкретной формы. Даже самые успешные попытки не дали бы возможности раскрыть природу настоящей индивидуальности;
2. Сама выдвигание идеала требует добросовестного наблюдения действительности, ибо этот идеал есть не что иное, как расширенная во всех направлениях, освобожденная от всех ограничений природа;
3. Она лишь тогда находит практическое применение в реальной жизни, когда непосредственно осуществляет эмпирическое наблюдение; ибо она напрасно провозглашала бы высокие идеалы, если бы не имела средств воплотить их в действительность.

Человек развивается только в зависимости от физических условий его окружения. Обстоятельства и события, на первый взгляд абсолютно гетерогенные его внутренней сущности, — климат, почва, образ жизни, внешняя обстановка и т.п. — вызывают в нем новый и часто самый утонченный и возвышенный моральный отклик. При помощи физических средств — зачатия и рождения — потомкам передается уже приобретенная моральная природа, и тем самым интеллектуальный и моральный прогресс, который иначе был бы преходящим и изменчивым, определенным образом способствует непрерывности и постоянству природы. Поэтому физические свойства человека при формировании его характера играют роль, весьма значительную во всех отношениях.

Еще отчетливее, чем у отдельных индивидуумов, проявляется это при рассмотрении всего человеческого рода. Большие массы людей, племена и нации, на протяжении столетий сохраняют присущий им характер, и даже когда он подвергается большим

изменениям, в нем все же видны следы исходного состояния. Во все эпохи сходные причины приводят к сходным действиям, а потому в целом при наличии одних и тех действующих сил мы обнаруживаем примерно одни и те же результаты, то же влияние внешних условий, ту же игру страстей, ту же мощь добра и истины, которая позволяет им проявляться в самых многообразных формах. Повсюду в действиях отдельных лиц проявляется своенравный произвол индивидуальных склонностей, в то время как судьбы масс несут на себе несомненную печать природных сил. Насколько яснее и очевиднее стало бы это для нас, если бы нам не приходилось всегда ограничивать свое рассмотрение весьма коротким отрезком времени и если бы нас не останавливала столь часто неполнота наших знаний.

Все это заставляет сравнительную антропологию не просто исходить из опыта, но как можно глубже в него погружаться. Она должна исследовать характеры, присущие полам, возрастам, темпераментам, нациям и т.д., с такой же тщательностью, с какой естествоиспытатель стремится описать виды и разновидности животного мира. Даже если бы для нее самой было важно установить лишь различия между индивидуальными типами людей, она должна действовать так, как если бы главной ее задачей было определение реально существующих индивидуальных различий между людьми.

Ее своеобразие состоит, следовательно, в том, что она обращается с эмпирическим материалом спекулятивно, с историческими объектами — по-философски, с реальными свойствами человека — в перспективе его возможного развития.

При сочетании естественно-исторического и философского подхода страдает обычно первый; но здесь не меньшая опасность грозит и второму. Поскольку сравнительная антропология исследует характеры человеческих типов, она легко ее уступает соблазну счесть их либо более определенными, либо более устойчивыми, чем они есть на самом деле. Но такая тенденция в высшей степени вредна для развития человеческой природы, благородство которой прежде всего зависит от возможностей свободы индивидуальности. Это опасный подводный камень, которого нужно избегать при всяком суждении о человеке, ибо его необходимо рассматривать как природную сущность, но не заходить в этом рассмотрении слишком далеко.

Впрочем, здесь этот подводный камень гораздо менее опасен. Ведь в наши намерения входит лишь изучение индивидуальных различий вообще, и в частности таких, которые, кроме того, согласуются с

⁹ Там же. С. 327.

идеальными требованиями; но мы не задаемся целью дать естественно-историческую классификацию человеческого рода¹⁰.

Даже если бы характеры полов, темпераментов и наций были еще менее определенными, чем они есть на самом деле, это не помешало бы успешному применению сравнительной антропологии. Ибо для нее

достаточно рассмотрение лишь самых существенных различий и надлежащая проверка и оценка в практических целях того, что действительно можно обнаружить в объекте.

Согласно сказанному выше, сравнительная антропология представляет собой ветвь философско-практического человековедения.

Список литературы:

1. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
2. Гуревич П.С. Философское постижение человека. М., 2011.
3. Соловьева А.Н. Этничность и культура. Архангельск, 2009.
4. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. М., 2011.

References (transliteration):

1. Gumbol'dt Vil'gel'm fon. Yazyk i filosofiya kul'tury. M., 1985.
2. Gurevich P.S. Filosofskoe postizhenie cheloveka. M., 2011.
3. Solov'eva A.N. Etnichnost' i kul'tura. Arkhangel'sk, 2009.
4. Shapinskaya E.N. Obraz Drugogo v tekstakh kul'tury. M., 2011.

---

¹⁰ Там же. С. 329.